

Традиционализация и укоренение политических инноваций: к постановке проблемы

Автор: А. Ю. ЗУДИН

В последние годы массовое сознание россиян описывается, в основном, в терминах разочарования в современных ценностях и замещения их на вербальном и поведенческом уровне традиционалистскими установками [Гудков, Дубин, 2001]. Этот процесс, усилившийся во второй половине 1990-х гг., не просто очевидный социологический и политический факт, а естественный и закономерный этап развития массового сознания [Гофман, 2004, с. 369, 370; Зудин, 2001, с. 26 - 65]. Но более внимательное изучение реальности ставит ряд вопросов: исчерпывает ли понятие "традиционализация" все перемены в массовом сознании? каков реальный статус политических инноваций (институтов и ценностей)? что происходит с самой "традицией"? Поскольку к настоящему времени накоплено достаточно данных и оценок, характеризующих основные тенденции эволюции массовых политических представлений, можно попытаться определить (хотя бы в первом приближении), в какой мере и соотношении модернизационные и традиционалистские концепты организуют массовое политическое сознание. Объектом анализа избраны следующие блоки: образ "внутреннего государства" (круг представлений о политическом устройстве и отношениях между властью и обществом), образ "внешнего государства" (совокупность мнений о месте и роли страны в мировой политике), а также система массовых представлений о политических образцах и ориентирах (проблема "выбора пути")¹.

Генерализованные представления о "внутреннем государстве"

На рубеже 2000-х гг. обобщенный уровень представлений о политической системе подвергся существенному влиянию традиционалистских установок. Широкое распространение в обществе получили: апелляция к "сильному лидеру"; одобрение концентрации власти, единоначалия, "сильного государства"; предпочтение (с элементом демонстративности) "порядка" - "демократии". По данным ВЦИОМ, в 2000 г. 72% опрошенных согласились с утверждением, что "русский человек не может обойтись без властных лидеров, сильной руки, которая бы направляла его действия". Отличительны-

¹ В работе были использованы данные "старого" ВЦИОМа, Левада-Центра, Фонда "Общественное мнение" (ФОМ) и публикации исследователей, связанных с этими центрами.

З у д и н Алексей Юрьевич - доцент кафедры публичной политики факультета прикладной политологии Государственного университета - Высшей школы экономики.

ми особенностями традиционалистских представлений о власти стали: ее слабая дифференциация (образ "властного монолита"), отождествление государства с исполнительной властью (вся совокупность властных и "околовластных" политических институтов воспринимается как филиалы и подразделения исполнительной ветви), иерархичность (власти не равновелики и рядоположены, а строго ранжированы).

Новая политическая модель разделения властей плохо вписывается в комплекс традиционалистских подходов. По данным ВЦИОМ, в 2000 г. 60% опрошенных выразили убежденность, что "решение проблем, стоящих перед Россией", может обеспечить "сосредоточение всей полноты власти в одних руках" (против - 27%). Такие взгляды препятствуют пониманию факта, что разделение властей необходимо, чтобы обезопасить граждан от государства. Оно пока воспринимается как некий "разлад во власти".

Однако по более конкретным проблемам функционирования государственной машины происходит отход от привычных стереотипов: традиционалистские образы "властного монолита" начинают постепенно размываться. Расширение понимания ограниченности возможностей исполнительной власти создает благоприятные условия для более реалистических оценок ее функций, роли. В то же время наметившееся "отмирание" традиционализма проходит достаточно болезненно и порождает постоянные упреки, что "власть ничего не делает". Это придает традиционалистскому политическому сознанию неустойчивость, создавая опасность не только для граждан, но и для государства и правящей группы. "Склонность к недифференцированному восприятию власти, связанная... с установкой на государственное покровительство, является фактором, стимулирующим критическое отношение к ней" [Кертман, 2001].

Следы модернизации можно обнаружить и в иных блоках представлений о власти. Составной частью восприятия ее большей частью общества стала демократическая легитимация, полученная на выборах, которая модифицировала критерии иерархии властных институтов. В центр общественно одобряемой политической системы ставятся те из них, которые формируются через выборы и регулярно обновляются - избираемый Президент и Государственная дума.

Президентская власть. В сознании россиян она существует как обновленный и десакрализованный вариант власти царя или генсека. В восприятии фигуры Президента России вполне современные представления о власти доминируют над традиционными. По данным ФОМ, в 2000 г. понятие "Президент России" преобладающей частью опрошенных (45%) воспринималось через призму занимаемой должностной позиции и выполняемых обязанностей. Традиционалистское отношение к фигуре президента было характерно лишь для 8% опрошенных ("хозяин", "царь", "бог"). Широко признается, что составная часть должностной позиции первого лица - не только власть, но и политическая ответственность. В 2001 г. 77% опрошенных считали, что В. Путин несет ответственность за правительство М. Касьянова.

Обязательная часть современных массовых представлений о президенте - демократическая легитимация: он получает власть из рук народа. Причастность граждан к процедуре наделения первого лица соответствующими полномочиями - центральная часть представлений о правильном политическом порядке, предполагающем определенные обязательства перед народом. Это наглядно проявляется в оценках желаемого политического будущего популярного Путина - в ситуации, когда искушение традиционализмом особенно велико. По данным Левада-Центра, массовое сознание практически одинаково отторгает и пожизненное президентство (80%), и выборы президента депутатами парламента (83%). Вплотную примыкает к наименее приемлемым для общественного мнения вариантам назначение Путина на пост премьер-министра: против этого выступают две трети респондентов. Общественное мнение стремится сохранить контроль над постом президента: прямые выборы его принадлежат к числу политических ценностей, в отношении которых в обществе наблюдается наибольший консенсус.

Парламент. В отношении российского общества к этому институту просматривается сильное влияние политического традиционализма. Значительная часть населения испытывает серьезные сомнения в необходимости существования парламента, воспринимая

его как "лишнюю" структуру. По данным ФОМ, в 2001 г. с предложением о гипотетическом упразднении Государственной думы и передаче ее функций правительству согласилось 40% ("против" высказались 41%; 19% - не определились) [Кертман, 2001]. В системе массовых представлений федеральный парламент трактуется преимущественно как совещательный орган, некое подразделение "властной вертикали". По-видимому, похожим образом воспринимаются и региональные парламенты [Панов, Фадеева, 2006, с. 321 - 348]. Но есть и определенное понимание необходимости автономии законодательной власти, которое, однако, не стало доминирующим: на долю таких "стихийных" сторонников разделения властей приходится примерно 26% [Кертман, 2001]. Тем не менее начавшееся наделение образа власти специализированными и автономными функциями вкупе с определением ее места в структуре парламента через призму демократической легитимации данного органа свидетельствует о разложении политического традиционализма.

Выборы и референдум. Массовые оценки этих институтов отличает двойственность. Так, по данным ФОМ, в 2002 г. в пользу принципиальной необходимости проведения выборов высказались 73% (27% в той или иной степени усомнились в этом) [Кертман, 2005, с. 74]. Принятие института выборов определялось сложным комплексом мотивов, как традиционалистских, так и вполне современных: политический ритуал (около 25%), инструмент народовластия (более 33%), совещательные функции (10%), механизм селекции и ротации кадров во властных структурах (соответственно, 7% и 4%). Но прагматическая ценность выборов как инструмента эффективного влияния на власть оценивается невысоко: пока они воспринимаются скорее как форма выражения своего мнения, а не возможность выдвижения представителей в систему власти.

С противоречивой оценкой выборов тесно связано отношение к референдуму. По данным Левада-Центра, в 2006 г. из всех демократических институтов, связанных с волеизъявлением населения, референдумы предпочли большинство опрошенных - 31% (доля высказавшихся в пользу политических партий и выборов, "свободных" от манипулирования извне, оказалась в два раза меньше - 16%) [Савельев, 2006]. При этом массовое сознание наделяет референдумы преимущественно консультативной ролью в гораздо большей степени, чем выборы [Кертман, 2005]. Более высокую субъективную ценность референдумов отчасти можно объяснить двойственным влиянием политической традиции - предпочтения оказывать воздействие на власть через "мнение", а не через представителей. То есть, с одной стороны, традиция выступает как консервативное начало, санкционирующее выбор более прямых (элементарных) каналов воздействия на власть и сдерживающее укоренение более сложных институционализированных форм политического представительства. С другой стороны, она - хранитель наследия "архаической демократии", ибо референдум даже больше, чем выборы, опирается на оценку мнения большинства - важнейшую предпосылку демократического устройства власти [Даль, 2003]. Институты народного волеизъявления (выборы, референдумы) укореняются в первичной, "вечевой" форме - как плебисцит.

Закон и законность. Российское массовое сознание отличает высокая вербальная оценка данных понятий, что в принципе свидетельствует о широкой потребности в стабильных и универсальных "правилах игры". Правда, высокий ценностный статус этих правил сочетается с безразличием к его происхождению и готовностью передать их разработку исполнительной власти, что в значительной степени обесмысливает оценку рассматриваемых категорий. Это дает основания полагать, что ""закон" для значительной части - вполне вероятно, что для большинства - наших соотечественников тождественен "порядку". А такое его понимание вполне органично вписывается в традиционное для российской политической культуры представление об оптимальной модели взаимоотношений власти и общества, предусматривающей более или менее тотальную регламентацию социальных отношений "сверху"" [Кертман, 2001].

Но в массовом сознании существует и приверженность к "универсалистской" интерпретации закона ("один для всех"), в соответствии с которой представители власти также должны подчиняться его требованиям. Иными словами, люди, уподобляя господство

законя порядку, вкладывают в последний не традиционалистский, а вполне современный смысл. Более того, подчеркнуто высокая оценка роли закона - проявление своего рода компенсации: если учесть, что такая его трактовка дается в контексте широко распространенного ощущения социальной слабости во взаимоотношениях с властью, то в отсутствие иных ее ограничителей закон выступает как особенно ценный ресурс.

Правоприменение (прокуратура, суд). Столкновение традиционализма и политических инноваций в отношении институтов правоприменения раскалывает массовое сознание. По данным ФОМ, в 2004 г. в пользу независимости суда от власти высказывались 40%, а за его подконтрольность властям - 38% (еще 22% затруднились с ответом). Но в целом суды редко воспринимаются как отдельный институт власти [Кертман, 2001]. Массовые оценки места судов в значительной мере подчинялись логике слабодифференцированных представлений о характере власти, уже знакомых на примере восприятия парламента: сторонники государственного контроля над судами часто обосновывали свою позицию ссылками на то, что судопроизводство - функция государства, которое должно контролировать, как исполняется эта функция [Климова, 2005, с. 62 - 72].

В оценке другого института правоприменения - прокуратуры - традиционалистские установки также контрастно соседствовали с модернистскими, реалистическими. По данным ФОМ, в 2001 г. 65% опрошенных признавали, что прокуратура находится в зависимости от президента страны. При этом 58% россиян высказывались за то, чтобы эта зависимость прекратилась. Тем самым на практике общественное мнение выступало в поддержку демократического принципа разделения властей, который оно отвергало на уровне обобщенных суждений, ратуя в поддержку "сосредоточения всей полноты власти в одних руках".

Плюрализм и многопартийность. Идеологическое и политическое разнообразие признается обществом в качестве нормы, хотя оценки роли политических партий - важнейшего институционального воплощения плюрализма - весьма скептические. По данным ФОМ, в 2000 г. 55% были убеждены, что политические партии не приносят России пользы (против этого утверждения - 25%). Есть еще одно противоречие: признание "нормативности" плюрализма сочетается с явно выраженными опасениями по поводу имманентно присущего ему соперничества и конфликтов: 54% опрошенных считали, что партийная борьба мешает власти работать; противоположного мнения придерживались 24%.

Еще недавно значительная часть общественного мнения отторгала сам принцип партийного плюрализма. По данным Левада-Центра, в 1990-е гг. многопартийную систему отвергали от 41 до 48%. К концу XX в. стали возвращаться и симпатии к однопартийной системе, знакомой по советскому прошлому. Если в 1994 г. в поддержку "одной сильной правящей партии" высказывался 31%, то в 1999 г. - 43%. Однако в начале 2000-х гг. на передний план вышла противоположная тенденция - предпочтение системы, состоящей из двух-трех политических партий. Рост общественной привлекательности такой "укрупненной многопартийности" происходил медленно, но носил линейный характер: в 1994 г. в поддержку данной позиции высказывались 30%, а в 1999 г. - 35%.

В начальный период правления Путина (2001 г.) привлекательность этой модели увеличилась до 41%, и с этого времени показатель поддержки "укрупненной многопартийности" остается стабильным. Росту этих предпочтений сопутствовало снижение симпатий к однопартийной системе: с 43% в 1999 г. до 34% в 2004 г. [Зудин, 2006, с. 90 - 94]. Целесообразно также отметить, что оценка многопартийности как необходимого политического института была гораздо более позитивной, чем института политических партий как такового.

Критика власти, оппозиция, протест. Массовое сознание позитивно оценивает различные формы несогласия с властью, как традиционные, так и современные. Так, критика власти в СМИ прочно зачисляется в разряд социально одобряемых явлений. По данным Левада-Центра, в 2000 г. более половины опрошенных считали, что она "идет сейчас на пользу положению в стране" - 56% (не согласны с этим утверждением 27%). За время правления Путина одобрение критики власти возросло: в 2006 г. в пользу ее

высказались 64%. Но эффективность таких действий оценивалась низко: только 22% соглашались, что они приносят "какие-нибудь существенные результаты", а 58% - что нет [Седов, 2007].

Относительно оппозиции в общественном мнении также превалирует позитивное отношение. По данным ВЦИОМ, в 2000 г. 49% согласились с тем, что оппозиция Путину и его правительству нужна (против - 29%). Более того, за время его правления, несмотря на огромную популярность нынешнего президента, масштабы позитивного отношения к политической оппозиции как институту увеличились. По данным Левада-Центра, в 2004 г. 66% считали, что России нужны движения и партии, находящиеся в оппозиции к существующему режиму, способные оказывать серьезное влияние на его политику (против - 21%). Впрочем, понимание обществом необходимости оппозиции сочеталось с другой тенденцией - растущим осознанием отсутствия влиятельных оппозиционных движений и партий: в 2000 г. такого мнения придерживались 25%, а в 2004 г. их число увеличилось до 47%.

Хотя общественное мнение и склонно рассматривать политическое развитие РФ в координатах политической конкуренции, процесс легитимации оппозиции далек от завершения: социум воспринимает ее в основном как механизм постоянной критики власти. По данным ВЦИОМ, в 2005 г. 53,8% респондентов считали: "задача оппозиции состоит в том, чтобы указывать власти на ее ошибки". Адекватно задачу оппозиции - выработку альтернативного курса и приход к власти - воспринимали 28,7%. Другими словами, массовому сознанию пока чужда мысль, что оппозиция может стать властью. Она в значительной мере воспринимается инструментально: если "в стране нормальная политическая, социальная и экономическая ситуация" и власть не делает явных ошибок, 48,4% не видят необходимости в существовании оппозиции. Мнение, что она - обязательный атрибут демократии, поддержали 32,9% [Вызов, 2005]. Словом, подобно отношению к критике власти, оппозиция также признается необходимой, оправданной и одновременно - неэффективной.

Аналогичным образом на уровне массового сознания началась легитимация протестных действий. По данным Левада-Центра, в 2006 г. 48% россиян считали: "люди имеют право бороться за свои права, даже если это идет вразрез с интересами государства" [Седов, 2007]. Активное несогласие с политикой властей оценивается как крайнее, но законное средство воздействия на них. Впрочем, легитимация протестных действий противоречиво переплеталась с широко распространенным скепсисом относительно их успешности [Голов, 2003; Гвоздева, 2003; Климов, 2004; 2006, с. 25 - 45; Зудин, 2005]. По показателям полезности, оправданности и эффективности восприятие протеста обнаруживает черты сходства с массовым отношением к критике и оппозиции.

Итак, анализ блока представлений россиян о "внутреннем государстве" показывает следующее. Центральное место в нем все еще занимают концепты "патернализма" и "подданничества": на уровне массового сознания отношения "общество-власть" сохраняют многие атрибуты "вертикального контракта". В то же время, внимательное изучение образов власти показывает, что традиционализм не является определяющим для восприятия массовым сознанием отношений между ней и социумом. Патерналистская модель "власть-отец" соседствует с технократически-легалистской моделью "власть-менеджер" [ЦИРКОН, 2005]. Разрушающийся традиционализм - уже не единственная причина упреков властям. Часть недовольства имеет вполне современные (гражданские) корни: она связана не с ностальгией по государственной опеке и гарантированным социальным благам, а с неспособностью власти выполнять свои элементарные функции - поддерживать общественный порядок, обеспечить реализацию законных прав граждан, и т.п.

Далее, в массовые представления об отношениях власти и общества латентно входят и демократические ценности. Например, преобладание универсалистской интерпретации "закона" свидетельствует о том, что политическое равенство считается нормой, а это - важнейшая предпосылка демократического правления [Даль, 2003]. Можно предположить, что эти ценности восходят к эгалитаристским идеалам, имеющим глубокие

корни в российском менталитете (по аналогии с "социальной иерархией", "подданничеством" и "патернализмом"). Присутствует в массовом сознании и понятие политических прав, но преимущественно на вербальном уровне - как право на собственное, независимое мнение (свобода самовыражения, слова, получения информации), которое оценивается выше, чем автономное политическое действие - право избирать своих представителей [Левинсон, 2003].

Наконец, составная часть отношений между государством и обществом - одобряемые, хотя и не совершенные и не окончательно легитимизированные институты критики, оппозиции и протеста. В итоге можно сказать, что в массовом сознании место общества в отношениях с государством определяется сочетанием автономии и комплекса слабости. Граждане пока предпочитают "параллельное" существование с властью, ограничивая свое воздействие на нее преимущественно словом. То есть эти отношения в определенной степени уже вышли за рамки традиционализма, но еще не достигли уровня современных ("гражданских") представлений.

"Империя" и "великая держава" (образы внешнего государства)

Стержнем традиционалистских интерпретаций образа "внешнего государства" служит концепт "империи". Принято считать, что при оценке положения страны в мире возросла субъективная ценность военной мощи. Но при этом не придают должного значения тому, что структура представлений о статусе великой державы дает иную картину. В массовых представлениях о национально-государственных приоритетах экономика занимала доминирующие позиции. По данным ФОМ, в 1999 г. 73% опрошенных отдали предпочтение "налаживанию нормальной, стабильной жизни" в ближайшие 5 - 10 лет, и только 18% высказались в пользу "возрождения России как великой державы". В то же время в отношении возможности достижения этих целей общество было настроено пессимистически: 49% полагали, что в указанный срок наладить нормальную жизнь не удастся, а 58% придерживались аналогичного мнения в отношении возрождения в России великодержавия (противоположную точку зрения в первом случае разделяли 40%, а во втором - 28%).

По мере укрепления новых подозрений в отношении к Западу происходит и переосмысление позиций о составляющих статуса сверхдержавы. По данным ФОМ, еще в феврале 1998 г. подавляющее большинство (76%) высказывались в пользу приоритетного значения военной мощи для сохранения статуса России как великой державы. После военных действий стран НАТО в Югославии этот показатель достиг 86%.

Между тем растущее признание ценности военной мощи при оценке положения страны в мире не смогло деформировать современные подходы к компонентам, из которых складывается статус великой державы. По данным ВЦИОМ, в 2000 г. в перечне признаков "великой страны" первое место заняли "высокоразвитая промышленность" и "высокий уровень благосостояния граждан", которые были отмечены 69% и 64% опрошенных, соответственно. Второе место с большим отрывом заняло "соблюдение прав человека" - 39%; третье - богатые природные ресурсы (29%). Ядерное же оружие оказалось на четвертой позиции, правда, вместе с "великим культурным наследием" (по 27%).

Современные эталонные представления о компонентах статуса "великой страны" сохранили ведущую роль при формировании представлений о национально-государственных приоритетах. По данным ВЦИОМ, в 2001 г. 60% опрошенных на первое место ставили развитие отечественного производства, которое, впрочем, понималось ими по-разному, в зависимости от разделяемых политических ориентации. Второе место заняло укрепление обороноспособности - 47%. Повторный опрос, проведенный в апреле 2001 г., подтвердил устойчивость позиций населения относительно национально-государственных приоритетов.

Впрочем, для общественного мнения такие эталонные представления не во всех случаях были применимы к нынешнему состоянию России и ее положению в мире - ведь более половины опрошенных не причисляют в настоящее время РФ к разряду "великих

держав". Похоже, в своей позиции по некоторым конкретным вопросам общество исходит из того, что ныне страна пребывает в состоянии, когда ей приходится решать более насущные и элементарные проблемы, связанные с восстановлением военной мощи, защитой территории и укреплением границ.

По этим причинам заметное влияние на мнения о приоритетности национально-государственных задач оказывает и фактор внешней угрозы (как он воспринимается обществом). В 2001 г. 51,6% высказались за то, чтобы РФ резко увеличила финансирование армии и военных разработок в связи с отказом США от договора по ПРО и намерением развивать национальную систему противоракетной обороны. Только 31% заявили о необходимости отказаться от новой гонки вооружений с США, оценив потенциал российских ракетно-ядерных сил как "вполне достаточный".

Итак, подозрительность в отношении Запада соседствует в менталитете россиян с прагматичными подходами и установками. Приписывая Западу враждебные намерения и поддерживая возрождение военной мощи России, общественное мнение в то же время практически в каждой конфликтной ситуации выбирает неконфронтационную модель поведения. Более того, исследования показывают, что россияне испытывают симпатии к гражданам наиболее развитых стран и чувство цивилизационного притяжения Запада [Зудин, 2002]. Подобное сочетание реалистических и прагматических установок в образе "внешнего государства" вряд ли может свидетельствовать о доминировании в этой сфере массового сознания традиционалистского комплекса превосходства/страха перед всем "чужим". Неизвестно, где было больше традиционализма: в наивной перестроечной и раннедемократической "открытости" миру или в нынешнем более сложном отношении, преобладающем в массовом сознании.

Реальное наполнение понятия "особый путь"

Концепт "особого" пути превратился в настоящую эмблему традиционализации массового политического сознания России. Действительно, растущая популярность этого концепта совпадает и по времени, и во многом по содержанию с "антимодернизационной" реакцией: предпочтения россиян относительно пути развития страны резко отклоняются от модернизационного эталона. По данным ВЦИОМ, в 2000 г. 60% считали, что Россия должна идти по собственному, особому пути. Иные варианты развития заняли относительно него сугубо периферийное место. Сторонниками "общего для современного мира пути европейской цивилизации" объявили себя 15% опрошенных, а возвращение на "советский путь развития" нашло поддержку 18%. Год спустя 71% респондентов согласились с утверждением, что Россия принадлежит к особой, "евроазиатской" цивилизации и поэтому ей не подходит путь Запада. Идею принадлежности нашей страны к западной цивилизации поддержали только 13%.

Однако есть основания полагать, что демонстрируемые общественным мнением внешнеполитическое недоверие, дистанцирование от западных институтов и предпочтение "особого пути" развития следует интерпретировать не как свидетельство чуждости и неприемлемости современных цивилизационных стандартов, а как реакцию на реалистическое в своей основе понимание большого отставания от уровня и стандартов жизни на Западе. По данным ВЦИОМ, в 2001 г. общественное мнение по этому вопросу выглядело крайне фрагментированным. Если измерять продолжительность "пути на Запад" величиной человеческой жизни, то все позиции можно объединить в четыре основные группы. "Крайние оптимисты" (10%) верили, что если Россия двинется в направлении западных стран, то ей понадобятся считанные годы, чтобы достичь их нынешнего состояния. "Умеренные оптимисты" (35%) полагали, что на это потребуются десятки лет.

Итак, совокупная доля "оптимистов" составила 45% опрошенных, но наряду с ней в обществе присутствовала и значительная группа "пессимистов". Умеренная их часть (13%) считала, что дорога на Запад займет сто лет. Для крайних пессимистов "западный путь" либо не представлял никакого практического интереса ввиду убежденности, что

пройти его страна сумеет не менее, чем за двести лет (24%), либо был просто невозможен (10%). Другими словами, 47% общества воспринимают эту дистанцию не как социальную, а как историческую - с разрывом в разы, на преодоление которого уйдет жизнь многих поколений. Естественно, измеренный продолжительностью обычной человеческой жизни "западный путь" утрачивает практическую привлекательность для значительной части российского социума. Мобилизационные возможности последнего, включая способность определять жизненные стратегии и ориентации массовых групп, а также влиять на предпочитаемый тип отношений с Западом, снижаются.

Величина разрыва в уровне и качестве жизни между Россией и совокупным Западом оказывает травмирующее воздействие на массовое сознание, порождая ощущение личной безысходности и национального тупика. В этих случаях продолжение "национальной самокритики" создает опасность массовой декомпенсации. Инстинктивное стремление избежать этого тягостного состояния рождает острую потребность в механизмах "защиты". Например - стратегии избегания, когда источник травмирующих переживаний стараются не упоминать и не обсуждать. Если "встречи" избежать не удастся, на помощь приходит демонстративное безразличие. Еще один способ психологической компенсации - уравнивание впечатления от благосостояния "чужих" ссылками на их низкий интеллектуально-культурный уровень и бездуховность.

Но использование приемов психологической защиты для снятия фрустрации явно не достаточно для поддержания национального самоуважения на необходимом уровне. Осознание социальной дистанции вполне обоснованно воспринимается как признак слабости России в качестве внешнеполитического партнера наиболее развитых стран, обрекающей ее на несамостоятельное, зависимое положение. Это обстоятельство ставит под вопрос осмысленность и оправданность коллективного существования. Поэтому появляется более масштабное обоснование различий между Россией и Западом - идеологическое, которое надстраивается над механизмами психологической защиты. Судя по всему, таков генезис идеи "особого пути", в последнее время доминирующей в массовом сознании, что неслучайно, ибо в своем нынешнем виде рассматриваемый концепт отвечает только на один вопрос - "как?". А ответ на него построен на демонстративном отрицании уже известных исторических маршрутов: "особый" означает и "несоветский", и "незападный". Это значит, что данная идея позволяет части общества сохранить внутреннее равновесие после всех потрясений, шоков и травм, помогая избежать соблазна вернуться в советское прошлое, и тем самым спасает от еще больших потрясений, причем не только психологических.

Одновременно вера в "особый путь" помогает обществу продолжать движение вперед, давая возможность не признавать, что такое движение происходит. Отсутствие указания на конечный пункт пути, очевидно, не случайно. "Особый путь" в скрытой форме содержит ориентацию на западные эталоны. Открытое признание этого факта невозможно, поскольку сразу ставит травмирующий вопрос о размерах дистанции, отделяющей от западных эталонов. Признание Запада как пункта назначения табуируется, и провозглашение своего пути развития "особым" снимает вопрос о конечной точке движения и тесно связанную с этим проблему дистанции. Таким образом, для значительной части опрошенных "особый путь" - временное состояние. Среди его сторонников модернизационные образцы продолжают сохранять свою притягательность, но меняется способ их существования.

Факт сохранения цивилизационного притяжения Запада удостоверяется еще одним обстоятельством. Ощущение непреодолимости дистанции, отделяющей от цивилизационного эталона, - удел меньшинства. Относительное большинство продолжает воспринимать западные эталоны как достижимые. Это становится понятным при принципиальной постановке вопроса с отсечением всех других гипотетических альтернатив развития. Хотя и здесь общественное мнение раскалывалось в своем отношении к западному пути, но оценка перспектив развития России по нему получалась сдержанно позитивной. По данным ВЦИОМ, в 2001 г. 45% согласились с утверждением, что в случае если Россия пойдет путем западных стран, она сможет когда-нибудь их догнать, пе-

рестав плестись у них в "хвосте". Противоположную точку зрения поддержали 35%, а 20% затруднились с ответом². Следовательно, для большинства респондентов "особый путь" - скорее, не новый эталон, а щадящий способ признания невозможности приблизиться к таковому в желаемое время. Недостигаемость желаемого травмирует, поэтому от него демонстративно отказываются и для видимости замещают "особым путем". Таким образом, последний на деле означает русский путь на Запад. Страна слишком "вросла" в траекторию своего исторического движения, чтобы выпасть из нее.

Правда, длительное нахождение в оболочке "особого пути" небезопасно для западных эталонов. Их притягательность может ослабнуть в случае, если общество начнет постепенно привыкать к снижению уровня массовых притязаний. Но полная девальвация западных эталонов вряд ли возможна. Скорее всего, она затронет (что и происходит) лишь наиболее социально слабую часть общества с низкой самооценкой. У остальных при неблагоприятном варианте развития произойдет не столько девальвация, сколько отчуждение западных эталонов: не утратив соответствующих качеств, они превратятся в труднодостижимый идеал. В этом новом состоянии эталоны продолжают существование в российском обществе в качестве абстрактных образцов, лишенных адекватных поведенческих установок. Другими словами, произойдет восстановление в редуцированной форме сосуществования западных образцов и отечественного образа жизни, характерное для позднесоветского периода.

Не менее сложно обстоит дело с геополитическим самоопределением в рамках "особого пути": тут вера в способность Запада создавать эталонные представления значительно снижается. Россия не может поменять свое положение между Европой и Азией. Цивилизационный выбор в пользу Запада непосредственно не транслируется во внешнюю политику. Правда, ближайшие соседи на Востоке не вызывают желания подражать, внушая опасение и осторожность. Но к необходимости учета интересов потенциальных союзников в Азии и ближнем зарубежье общественное мнение подталкивают два обстоятельства:

- общее ощущение национально-государственной слабости;

- приобретенное за истекшее десятилетие понимание того, что во внешней политике полностью полагаться на Запад нельзя, по крайней мере, до тех пор, пока у нас не завершены реформы и не утвердились современные формы жизни, без которых Россия будет восприниматься Западом как "чужая" с соответствующими последствиями.

Итак, речь идет именно о балансе в системе внешнеполитических союзов России. Общественное мнение не санкционирует однозначную переориентацию внешнеполитических союзов ни на Запад, ни на Восток. Китай, на выгоды сотрудничества с которым любят ссылаться сторонники "особого пути", оценивается весьма сдержанно. Ситуация, при которой основными союзниками России оказываются преимущественно страны ближнего зарубежья и государства, расположенные в Азии, вызывает в массовом сознании чувство дискомфорта. Как было показано, общественное мнение не без оснований чувствует слабость нынешних потенциальных союзников России и стремится иметь в качестве таковых сильные и передовые страны.

Уместно также подчеркнуть, что россияне в целом опасаются сильных союзников (будь то США или Китай), остро ощущая экономическую и военную слабость своей страны. И по вопросу о пути развития, и по проблеме внешнеполитических союзов общественное мнение оказывается в своеобразной фрустрационной ловушке. В нем одновременно действуют два примерно одинаковых по силе, но противоположных по направленности мотива. Этнические симпатии к гражданам наиболее развитых государств и фактор цивилизационного притяжения подталкивают к ориентации на Запад и к союзу с ним. В то же время осознание величины дистанции, отделяющей от современных

² Несколько иная, психологически облегчающая восприятие западного пути редакция вопроса в том же исследовании ВЦИОМ дала близкий результат. С утверждением о том, что Россия сможет пройти путь западных стран быстрее, чем за триста лет, согласились 47% (против 38%).

стандартов жизни, и понимание собственной слабости в качестве внешнеполитического партнера Запада максимально затрудняют поддержку практических шагов в этом направлении [Зудин, 2002].

* * *

Имеющиеся в настоящее время данные и оценки позволяют утверждать, что описывать ситуацию в массовом сознании исключительно (или даже преимущественно) в терминах "неотрадиционализма" и "реванша" советского прошлого - большое упрощение. И дело не только в том, что российский неотрадиционализм представляет собою внутренне противоречивое, разлагающееся и неустойчивое образование, не способное обеспечить культурную интеграцию общества [Гудков, 1997, с. 25 - 33; 2002, с. 87 - 102]. Современный этап эволюции российского массового сознания несводим просто к традиционализации, поскольку в ней присутствует появление новых феноменов. Наблюдаемый в последнее время процесс представляет собой, как минимум, первичную стадию укоренения ценностей, представлений и институтов, импортированных в первой половине 1990-х гг. Особенности этого процесса в целом таковы.

1. Обобщенные массовые представления о власти остаются цитаделью политического традиционализма. Принцип ее разделения опознается преимущественно как "непонятный" и "неправильный". Дифференциация образа власти находится в начальной стадии (правда, следует учитывать, что концепт "власть", в отличие от понятий "государство" или "правительство", сам по себе - традиционалистский). Применительно к парламенту пока можно говорить лишь о начале первого этапа дифференциации - специализации. Одновременно в традиционалистском образе власти появились "трещины", возникновение которых объясняется как диффузными эффектами общей модернизации когнитивной сферы массового сознания, так и первым опытом знакомства с новыми политическими институтами³. Оставаясь преимущественно "традиционалистским монолитом", власть воспринимается и как сложная система, чья работа невозможна без внутренней специализации, то есть определенной автономии ее звеньев. Модернизация системы массовых ценностей лишила "властный монолит" самодостаточности: его существование невозможно без демократической легитимности. Политические инновации начинают прорастать в традиционалистский политический монолит, и в массовом сознании место в иерархии властных институтов определяется не близостью к его ядру - исполнительной ветви, а мерой демократической легитимности. В полном соответствии с политической традицией президент (в лице своей администрации) наделяется в обществе правом контролировать Государственную думу. В то же время в противоречии с логикой традиционализма, но в соответствии с современными политическими принципами, парламент (несмотря на неясность своего статуса) наделяется правом контроля над правительством.

2. Модернизация массовых политических ценностей и поведенческих моделей развивается автономно. В одних случаях вполне современные политические представления наслаиваются на традиционалистский образ действий, в других, напротив, "отсталые" ориентации сочетаются с овладением "передовым" репертуаром действий. В последнем случае практическое знакомство с политическими инновациями опережает модернизацию политических представлений: часть тех, кто на словах выражает приверженность традиционным ценностям, на деле реализует вполне современные формы поведения. "Порядок и демократия в России невозможны друг без друга", заявляет ровно половина лиц, только что ответивших интервьюеру, что для России первое нужнее второго. Также в других вопросах, где выясняется, что такое демократия: ее не только хулят, но и приписывают ей зачастую порядок, законность и экономическое процветание как

³ Масштабная модернизация массовых вербальных ценностей играет важную роль даже в тех случаях, когда лишена прямых выходов на массовое поведение. Она порождает иррадирующие эффекты, модифицирующие массовое восприятие [Клямкин, Кутковец, 2000].

наиболее отличительные признаки. Среди видов государственного устройства россияне не всегда предпочитают советский вариант или "особый путь", но иногда выбирают и тот, где главное - демократия и гарантии прав человека. Итак, свидетельства другого рода говорят, что реальных сторонников демократического строя сегодня больше, чем декларативных" [Левинсон, 2003].

3. Когнитивный блок массового сознания сам по себе также отличается асимметричностью, в значительной степени связанной с противоречиями между генерализованными и конкретными представлениями. Довольно часто представления о "правильных" (нормальных и нормативных) принципах организации общества и государства более отчетливы и современны, чем представления о том, какие институты призваны реализовывать эти принципы. Идеологический плюрализм и многопартийность в общем признаются в качестве нормы, но их институциональное воплощение вызывает недоверие (ограниченное - в случае со СМИ; большое - применительно к политическим партиям). Аналогично, закон как ведущий регулятор отношений воспринимается в качестве нормы, а суды вызывают недоверие. В обществе весьма низко оцениваются инструменты и посредники, необходимые для практической реализации ценностей и представлений, признаваемых "правильными" или "нормативными", иначе говоря, для массового сознания характерен "институциональный дефицит" [Гудков, Дубин, 2003]. Принято считать, что подобная реакция массового сознания - свидетельство силы политического традиционализма. Но возможна и альтернативная интерпретация: с учетом всего, что нам известно о реальном функционировании СМИ, судов и политических партий, устойчивое массовое недоверие к этим институтам просто фиксирует их неспособность адекватно справляться с функцией реализации демократических нормативов и ценностей. Другими словами, атрибуты "традиционализма" - оболочка для реалистических оценок.

4. Способность к реалистическим оценкам несовершенных демократических институтов и практик - не единственная причина раздвоенности массового сознания. Традиция не только препятствует модернизации, но и накладывает отпечаток на процесс укоренения ее атрибутов. Влияние традиции на освоение политических инноваций может проявляться в том, что массовые представления о свойствах новых (современных) институтов и ценностей оказываются явно завышенными. В постсоветской России чрезмерная идеализация возможностей политических инноваций связана с тем, что знакомство с ними происходило преимущественно в абстрактной форме и было сильно оторвано от живого демократического опыта. Возможно, что здесь явно или латентно сказалось влияние "абсолютизма" традиционалистского пласта русской культуры (устремленность к заведомо недостижимым, по крайней мере, в этом мире и в этой жизни образцам).

4. Важная особенность первичной стадии укоренения политических инноваций - гибридизация ценностей. Один из наиболее выразительных ее примеров - проникновение ряда современных понятий (право собственности, свобода слова, и т.п.) в цитадель традиционализма - "ядерную советско-коммунистическую культуру", в которой в результате этого возникла зона соприкосновения с культурой демократической. "На праве собственности, на свободе слова избиратели КПРФ, между прочим, настаивают посильнее, чем "люди прошлого" в целом, а в случае со свободой слова - сильнее, чем бедный и малообразованный класс, чьи интересы защищает эта партия. Иначе говоря, иной "демократ", ищущий собеседника и даже единомышленника по отдельным "демократическим" вопросам, теперь найдет его скорее в избирателе КПРФ, чем просто в "обществе"" [Левинсон, 2003]⁴.

⁴ В гибридных политических представлениях нет ничего необычного. Гибридность также неравнозначна неустойчивости или невозможности создания адекватных этим представлениям политических институтов и практик. Противоречивое сочетание признания плюрализма со страхом перед соперничеством и конфликтами не уникально для постсоветской России. Эта же особенность длительное время была характерна для стран консociальных (или общественных) демократий и различных разновидностей некорпоративизма. Она способствовала утверждению моделей политического управления, которые предусматривали вытеснение конфликта на периферию (см. [Лейпхарт, 1997]).

5. Основная часть политических инноваций еще не прошла полного цикла институционализации: в настоящее время можно утверждать, что по своему реальному статусу они располагаются в зоне между вербально одобряемыми и утилитарными ценностями. Пример - статус политической оппозиции, отношение к которой испытывает серьезное влияние утилитаристских установок. Большая часть массового сознания принимает оппозицию как политический институт, но это принятие не носит безусловного характера (в случае нормализации политической ситуации для части сторонников смысл существования оппозиции исчезает) и сопровождается перетолковыванием функций (не претендент на власть, а ее критик). То есть для значительной части россиян оппозиция пока не стала самоценным политическим институтом.

6. Внутренний механизм начальной фазы укоренения политических инноваций схематично можно описать следующим образом. Российская политическая традиция (впрочем, как и любая другая) неоднородна: наряду с иерархическими, авторитарными и партикуляристскими началами, она содержит и эгалитарные, демократические и универсалистские ценности. Скорее всего, поиск избирательного сродства, который начинается после появления политических инноваций, происходит именно в этом, наиболее близком по содержанию секторе политической традиции. Новые ценности и институты трансформируются. Они срачиваются с традиционными (наиболее близкими по принципу "избирательного сродства"), порождая ценностные, когнитивные и институциональные "гибриды". Внутри этих гибридных форм происходит примитивизация инноваций: выборы редуцируются до плебисцита, институт политической оппозиции - до критики правительства. Нечто сходное происходит и когда современные ценности мимикрируют под традицию ("свой" или "особый путь"). С той частью традиции, которая вступила в диалог или симбиоз с современностью, происходит следующее. В новом контексте ее структура и свойства начинают сближаться с противоположной "половинкой" гибридной формы, и традиция перетолковывается на новый лад. Если усвоение нового идет через редукцию, то адаптация старого осуществляется через мутацию: массовые представления о "великой державе" - наиболее рельефный пример того, как внутри традиционных форм происходит рационализация.

7. Большую часть процессов в массовом сознании следует квалифицировать с учетом их двойного статуса - соприсутствия в различных соотношениях инноваций и традиции. Повышение психологической значимости таких признанных атрибутов последней, как "государство", "граница", "территория" и "прошлое", в равной мере может быть оценено и как проявление неотрадиционализма, и как свидетельство продолжающейся модернизации. Можно утверждать, что традиционализация генерализованных политических представлений сопровождается когнитивными и ценностными приобретениями. Массовое сознание в определенной части становится более дифференцированным (образ Запада) и более реалистичным (критическая оценка места и качества демократических институтов, возвращение "образа врага"). Если укрупнить масштаб оценки, не окажется ли, что и традиционализация подчиняется общей модернизационной логике?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бызов Л. Оппозиция: особенности отсутствия // Ведомости. 2005. 15 июля.

Гвоздева Е. Акция протеста бюджетников: митинговать не эффективно, но нужно... // Доминанты. Поле мнений. 2003. 13 марта // <http://bd.fom.ru/report/map/d031032>.

Голов А. А. Забастовки для россиян: от 1989 к 2003 // <http://www.wciom.ru>.

Гофман А. От какого наследия мы отказываемся? Традиции и инновации в постсоветской России // Россия реформирующаяся. Ежегодник-2004. М., 2004.

Гудков Л. Русский неотрадиционализм // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. N 2.

Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Отечественные записки. 2002. N 3.

Гудков Л., Дубин Б. Все едино. Российскому обществу жить стало хуже, жить стало скучнее // Итоги. 2001. 25 января. N 3.

Даль Р. Демократия и ее критики. М., 2003.

Зудин А. "Консервативная демократия"? Политическая реформа и общественные ожидания // Итоги двадцатилетия реформ (Сборник статей по материалам конференции). М., 2006.

Зудин А. Новая политическая среда. Протест против монетизации и возрождение политической оппозиции в России. 2005. 13 сентября // <http://www.politcom.ru>.

Зудин А. Новая система координат. Запад в общественном мнении россиян до и после 11 сентября. 2002. 5 февраля // <http://www.politcom.ru>.

Зудин А. Россия, 1998 - 2001 гг.: путь к новой идеологии // Полития. 2001. Декабрь. N 5.

Кертман ГЛ. Разделение властей или властный монолит? (Принцип разделения властей в российском массовом сознании) // Отчет по результатам опроса 6 - 7 октября 2001 г. // http://www.fom.ru/survey/dominant/295/729/2389_.html.

Кертман Г. Статус выборов в российской политической культуре. Социологические наблюдения (2002 - 2004). М., 2005.

Климов И. 2004 год: протестные настроения российских граждан // http://bd.fom.ru/report/cat/societas/culture/science/sotsiologiya/klimov_paper/d042526.

Климов И. Деньги вместо льгот. История и значение протеста // Социальная реальность. 2006. N 4.

Климов И. Деньги вместо льгот. О социальной предыстории одной реформы // Социальная реальность. 2006. N 2.

Климова С. Оценка работы российских судов: предубеждения или горький опыт? // Социологические наблюдения (2002 - 2004). М., 2005.

Клямкин И., Кутковец Т. Русская самобытность. Институт социологического анализа. М, 2000.

Левинсон А. Народная демократия // Неприкосновенный запас. 2003. N 1(27) // <http://www.nz-online.ru/print.phtml?aid=80011751>.

Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М., 1997.

Панов П. В., Фадеева Л. А. Региональная политика: институционализация, трансформация, традиции // Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития. Ежегодник-2005. М., 2006.

Савельев О. Между "кто виноват?" и "что делать?" Россияне не столь деполитизированы, как принято считать // Независимая газета. 2006. 8 сентября.

Седов Л. Оппозиция. Критика власти. Экстремизм (по данным декабрьских опросов). 2007. 15 января // <http://www.levada.ru>.

ЦИРКОН. Качество и качества Власти: восприятие и представления населения. 2005.